

БОРИС КРИГЕР

An abstract background featuring a dense field of small, multi-colored dots (red, green, blue, yellow, purple) connected by thin, light blue lines, creating a complex, web-like pattern against a dark blue gradient.

**АРОМАТЫ
И
ЦВЕТА**

ПОЭМА

БОРИС КРИГЕР

**АРОМАТЫ
И ЦВЕТА**

ПОЭМА

Разгадка поэмы «Ароматы и цвета» буквально лежит на поверхности. Так характеризуют кварки несмотря на то, что у них, разумеется, нет ни ароматов, ни цвета... Попытки постигнуть непостижимый мир, Творца, движущие силы мироздания всегда волновали равнодушных. Автор вновь обращается к этой задаче, открывая произведение коротким стихотворением, написанным им на латыни и переведенным на русский. Такое необычное решение словно бы указывает на связь античных времен с современностью. Никто не запрещает нам, как Катулл, писать стихи о жизни, смерти и любви на латыни... Далее автор делится своим необычным видением Рождества, постепенным спуском в Дантовский ад, и возрождением в Пасхе. Поэму завершает, стилизованная под народную, разухабистая песенка, как бы сводящая на нет серьёзный стиль всего нарратива.

Nescio quare te amo?

Somnium quousque durabit?

Taedet me vitae timere.

Taedet me mortem timeo.

Ego nihil quaero.

Et in nulla spero.

Sed tamen te amo!

Не знаю, зачем я люблю?

И сон этот сколько продлится?

Устал я и жизни страшиться,

Устал я и смерти бояться.

Давно ничего не ищу,

Уже ни на что не надеюсь...

Но все же, зачем-то, люблю!

Текст эпиграфа на латыни и перевод автора

МОЁ РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Как нежен нижний,
сожженный дотла
последний книжный
монолит бревна,
Благая Весть
в горниле сожжена
и низость сна
никчемность не снесла...
И низменность отчаянно праздна,
И пьёт до дна,
и ненависть нежна,
И как ни жни,
Но зло не злее зла,
добра для
отпущения козла.

Распалена
как
жерло добела,
обнажена княжна,
бела зола,
И словно
вечность
бренность
обрела,

И всё слова,
слова,
только слова...

И на ладонь
снежинка из стекла
кровавой меткой
медленно легла,
молчат кимвалы
и колокола,
и всё слова,
слова,
только слова...

Удавкой томной
душит нагота,
пустые домны
выжжены дотла,
и не находит своего угла
несчастливая, что Бога родила...
На жизнь земную Бога обрекла,
дыханьем губ
и шорохом крыла,
Мир этот груб
как стёртая пила,
что плоть как труп
глодала и секла.
И в крестный путь
по крошке из стекла,

как по углям
отправилась душа,
и по углам
упрёк не изрекла...
ведь всё слова,
слова,
только слова...

И как пузырь
земля глупа, кругла,
на ней довольно сыщется
бабла,
на ней океаны
плещутся бухла,
но всё слова,
слова,
только слова...

И если правда
Слову равен Бог,
Не от того ль
сей мир
настолько
плох?
Он полон склок
как блох,
И каждый лох
Считает своим небом
потолок.

На потолках ютятся зеркала,
И эта мода приторно мила,
В углу скучает ведьмина метла,

сор подмела
от Гордия узла.
Извечный спор
не выиграла у зла
Несчастливая,
что Бога родила,
И не достались
крошки со стола,
тем псам,
что
ждали
крошек тех
с утра.

И застревает
небесам хвала,
за то что
мирозданье не халва,
за то, что
вечность
призрачно мала,
и всё слова,
слова,
только слова...

Я в царстве жил
Извечных макарон.

И запивал
Их серостью
словесной.

сбегал в подвал,
жил сыростью подъездной,
и стражем был мне
пасмурный Харон.

Не посещал своих я похорон,
Не примерял могилы одноместной,
и вместо жизни высшей бестелесной
к дурному телу шёл я на поклон.
Из всех знакомых мне тогда икон
Я ни одну не чтил душеполезной,
И всё бродил меж пропастью и бездной,

И дни текли как вязкий полусон.

Весь этот вздор известен испокон
веков погрязших в скуке затрапезной,
как кипяток крутой, тестостерон,
бурлил во мне поэзией помпезной.

На бред любовный был я обречён,
Как на вериги из подков кентавра...

Как на венок из терния, не лавра,
Всяк обречён, кто как дурак влюблён.

Моей удачи подлый хамелеон

Не чтил любовь
иллюзией коварной...

Поставил он
судьбу мою на кон
И проиграл,
как водится,
бездарно.

Полвека уж копчу я небосклон,
На этой на планете безотрадной.
И жизнь моя – не более чем сон,
И смерть лишь сон,
тем более,
подавно...

Не всё решает
бегство за кордон,
Танцорам что мешает
твёрдо знаем...

Банально
вечно преданный Израиль,
анально
отзывается потом.

Земля Святая - ада эталон,
Как крестный путь, как Виа Долороза,
Эквивалент летального невроза,
Что вызывает левый самогон.

Проклятья он
мне всё кричит вдогон,
Но я не слышу
этой брани лестной,
Мне в спину брань

Всегда казалась песней,
несущейся ко мне
Со всех сторон.
Да, вот такой я
Гадкий фанфарон,
Что как ни глядь -
Ко всем спиной повернут,
Брань надо мной
Как ненасытный ворон,
Что превзошёл
Зарвавшихся ворон.
Когда ко всем
лицом повернут был,
Шипели мне
мол «Многоликий Янус».
Что ж лицезреть теперь
извольте анус,
слегка прикрытый
таинством кальсон.

И снова, здрасти!
В сладострастье,
Таком безумном и шальном
Я был не сведущ,
Словно гном,
не ведает
теснины быта,
Я у разбитого корыта
Извечно думал об одном,
Как небо оказалось дном?
Как может ночь казаться днем?
Чиня корыто изолентой,
Ловил я милые моменты,
пока настолько оборзел,
Что стало похуй - уголь, мел...
Жара, дубак,
гроб, беспредел,
и то что мигом постарел,
сидел на лавочке пердел,
и жить, как видно, не умел...
Оставил в знаниях пробел,
И смерть единственный удел,
Который хладом душу грел!
Икон фальшивый новодел,
Христа укор, святых прицел,
Как будто я их всех нагрел,

Тем, что распяться не хотел.
И счет обласканных мной тел
Лез в верх, но я не сожалел,
Что стольких сладко поимел.
Зря с изолентою корпел,
Над трещиной души корыта,
Душа была по горло сыта
Бывает чем душа сыта.
Тоской и тяжестью креста.
Ведь я внезапно восхотел
Прикосновений кожи нежной,
Тех, что в кручине безнадежной
полна земной любви стезя,
А что всем можно, мне нельзя?
И мысль голая о том,
что трудно петь
С закрытым ртом,
Вела в притон,
Тая погром,
И страшно веселя
Притом!
Искал всегда
любовь в случайном,
В сенях, в буфете привокзальном,
В объятьях сизого огня,
Молил я всех: «Люби меня!»
И что? Не то чтоб не любили.
Терпеть – терпели,
Пока в силе,

А после

долго

больно

били...

И вовсе животворно слили
в простуженность бесстыжих луж.

Я убежал,

Я неуклюж,

Когда скачу по странным лужам...

Меня назвать хотели мужем,

А после приторно гнобить...

Не любят смертные любить.

И хочется с тоской вопить

О вечном дефиците счастья,

Которого увы не часть я.

И рвать листы календаря

Из бездны мрака бытия.

Ведь все, что помнить буду я

Соски, невинные носочки,

Изящный ноженьки изгиб,

И попок аппетитный вид!

Что ж нагулял я аппетит

в полвеке скучном без разврата...

В наивность ту мне нет возврата!

Что будет в вечности со мною,

Когда опять, подобно Ною,

В ковчеге буду бороздить

Мир отказавшийся любить

И утонувший в море гноя!

Изгибы шейки, вздох полночный,
Уже ли я такой порочный?
Что я найду в канаве сточной?
Что задержалось там в душе,
На блеклом вялом вираже
Дурной галактики спирали?
Любимые, меня не звали,
И ждать не стали, в рай ушли.
Кричал напрасно: «Подожди!»
Прости, сотри грехи поэта!
Кричал, – «темно мне,
больше света!»
Но нет прощенья,
нет ответа,
Отеческого нет совета...
И от лампы сигарету
Бесцеремонно прикурив,
Стал я навязчиво блудлив.
Чем явно влился в коллектив...

Всегда я проявлял проворство
в искусстве вечного обжорства,
И к чесноку питал я пыл...
и горем луковым я слыл...
Без неуместного позёрства,
Без хвастовства,
без благородства,
Науку эту на забыл...
И по сей день
ей верен был!
Как Посейдон
привержен морю,
Мы все стремимся ведь сожрать,
Тех, кем не можем управлять...
В том состоит и моё горе!
Мне каждый божий день с утра
Кумиром был Гаргантюа!
И чушь, дурного бытия,
Суть поглощения материй...
Тут дело даже и не в мере,
В не в меру безрассудной вере,
А в том, что злая простота
процесса плоти пожирания,
Гнетет как кнут моё сознание.
Обрыгло это истязанье!
Напрасно с ним противоборство...
И пищи пошное уродство

во мне питает непокорство...
Несчастный мир больных зубов,
Напрасно дующих ветров,
Кровавых слов,
Святых коров,
Зарезанных за первородство.
И сколько можно вечных жертв,
Забытых славных королевств,
Белиберды похвальных зверств
И оправдавших их торжеств!
К чему обжорства круговерть,
Не легче б было умереть,
И не влачить с собой божеств
обжорства горького блаженств...
Смерть подается на десерт,
С десертом рядышком конверт,
А в нём записка в пару черт...
не нужен разобрать эксперт!
За насыщенье наших чрев
Грозит нам всем в аду нагрев.
Прочь из объятия гетер
В тот мир каверн, где Люцифер
Вершит свой будничный концерт.
В несовершенстве праздных бегств
Как какофонии напев,
Погубит он любой посев,
Лишая девственности дев!

Страшней него лишь Божий гнев,

Как сотня черных королев...
На шахматной доске грозя
Съесть тушку белого ферзя...
Его степенно пожирает.
Мой выбор Бог не одобряет!
Он безусловно изувер,
Меня послал в сей смрадный хлев,
Где я от смрада ошалев,
Привыкнуть к смраду не успев...
Среди подобных мне существ
Ищу себе прекрасных дев.
Бог – столь искусный акушер,
Что даст родиться и вне вер,
На рабство пристальных галер,
Он обрекать нас преуспел.
Я как казненный тамплиер,
Припрятал клад, где захотел,
Ключ проглотил и карту съел,
Рефлекс блевать преодолел!
Обжорство – зло?
Обжорство – дрянь?
Нам повезло,
Что инь и янь
Не слопали свою изнань...
Я травоядный людоед,
Я Дориан, я свой портрет!
Устал от яств, устал от бед,
Но ем очередной обед.
Я восхищенный шарлатан,

Учу отчаянью мирян,
Я как извечный истукан
Во мне изъян таит изъян.
Обвив себя петлей лиан
Как обвивает целлофан,
Попал я в собственный капкан
Из чуждых мест из чуждых стран.
Мой Карфаген бездарно сдан,
Я заперт в Истины чулан,
Куда сбежал от старых нянь
Как Моисей от египтян.
Бог мне сказал уже: «Отстань!
И жаловаться перестань!»
Но я ищу, где встретит грань
Терпенья Божьего океан.
Я импотент и донжуан,
Лилею стрел своих колчан,
Не пью шампань как наркоман,
И без шампанского я рьян.
Я по всему такая дрянь,
Что мне не место, средь христиан,
Но кто ж решится разрешить
Моё крещение отменить.
Я по всему гнилой ботАн,
Ессентуки пью, пью нарзан,
Ношу удобный кардиган
И на ночь слушаю орган...
Хоть презираю Ватикан,
Во мне тиран довольно дран,

И чувств несносных ураган
Я прячу вечно под диван.
Я исключительный болван,
Источник глупостей, вулкан,
Кабан танцующий канкан,
Я просто толстый старикан.
Живет во мне левиафан,
И что не шутка – то баян,
Мне человечество «увянь!»
Кричит из всех известных стран.
Померк во мне давно модерн
Пощечин коллекционер...
Давленье в сотни атмосфер
Не улучшает глазомер.
Не вестник я и не курьер,
Нет их среди моих карьер.
Вот-вот упрусь я лбом в барьер
И в мир иной открою дверь.
Оставив грузный чемодан
Уйду я с табором цыган...

Я ненавижу денег суть,
Без них хотел бы отдохнуть,
Надеюсь, вход в чертог небесный
По крайней мере, безвозмездный...

Ведь вечный спор,
Глухой укор,
обитель тех,
кто под затвор
копил монет
кружки-подружки,
И тех,
кто пил хмельные
кружки

Спустив имение своё...

Как заебало,
Ё-моё,

Всё что рождает
дым алмазный...

Я был транжирой
безотказным.

Надеюсь, что на свете том
Не оперируют баблом.

Сие не вздор...

Святая жадность

Нас покоряет,
не спросив,

Сердца нам в скряги
обратив,
На свет на тот аккредитив –
Вплетут нам в пальцы рук коряги,
И вознесут в злаченной раке
В безоблачную высь небес...
Окститесь, нас попутал бес,
Властитель опийного мака,
Не будь как жадная собака,
Что у другой собаки рвёт,
То, что собака та жуёт.
Не будь как жадный идиот...
Довольно вечной нудной драки,
Возни в истлевшем саркофаге,
Где с радостью слепой макаки
Монетки ищущем мы в клоаки...
Довольно кладики в овраги
Поспешно прятать
там и тут.
Все эти клады пропадут,
Или потом враги найдут,
Хоть как, останешься надут.
Век сребролюбца тороплив,
И я считал, что супротив
Вполне я защищён сей муки
Но тут как тут явились суки,
скупые бесы естества,
Но нет, щедрот купель моя
Увы не приносила радость,

Ни тем, кто столовался рядом,
Тем, кому раздал зазря
Не доброту, а зло творя.
Как ненавистны мне купюры,
Те, что проел, пропил, спустил...
Раздал тупым и жадным дурам,
За жизнь, как юнец безусый,
Я всё имение просрал,
Раздав никчёмно капитал.
Я жадно жил,
и умирал,
И всё еще
Живу конечно
на корке бренной,
корке грешной
Земной поверхности неспешной
Скользящей в ритме своих плит.
Но нынче жадностью убит,
Видать мне всё ж испить придётся
Из мути жадности колодца,
Видать не может Бог ни как
Понять, что перед ним дурак,
Которого учить напрасно,
Уже ль ему это не ясно?
Равнина битвы предо мной,
и там вот-вот начнется бой,
там две толпы,
там слышен вой,
влачащих тяжести с собою.

Весь скарб ничтожный,
жалкий свой.
Я не хочу с такой судьбой,
Жить бесконечною борьбой,
За каждый сребреник проклятый,
За них впрягаешься пока ты,
Пропустишь хлеба горний вкус,
Раздай всё, говорил Иисус,
И был Он прав,
Раздав себя,
Как хлеб
нам плоть свою дробя.
Любя, как будто не любя,
Воскреснув, как не для меня.
Надеюсь, я когда-нибудь
Постигну этой жертвы суть.

Мне остаётся гнев и скука...
Тоска, уныние и лень...
Сижу, и щурюсь близоруко,
Но вместо света вижу тень.
Постиг, внезапно поседев,
что в каждой лани скрыт лев,
Весь ужас мира – моя скука,
А что не скука – скучный гнев.
И не страшит меня разлука,
Ведь всё что можно претерпев,
Не бормочу молитв распев...
Ведь всё что можно, растеряв,
Ни вечной памяти, ни внука
Не жду в строках
последних глав.
И надоел мне смерти страх,
И жизни пасмурная мука,
И жизнь моя как скорость звука
В воде быстрее, верно, став,
Течет своё не дострадав,
В объятьях мысли акведука...
Хотя с какого перепуга
Живу я в нём, навек застряв?
Стрела никчемная без лука,
Как лук никчемный без стрелы,
Я всё принять своей судьбы

Не в состоянии без звука,
Никак её не восприняв,
Живу средь лет своих отрав
«Да будь ты проклят» - проорав
Творцу, ведь я его тварюга,
Так пусть направит меня, сука,
Долой от дум моих орав,
Ведь в думах я, увы, коряв,
Вхожу к Нему нагой, без стука,
Открыв ногой нахально дверь...
Пусть вразумит меня теперь,
Навеки желчь мою изъяв,
Прочь из души моей канав...
Улягусь на постель из трав
Отправлю душу к водопою,
Пусть ветер пёс, язык шершав,
Меня навеки успокоит...
Скажи мне, в чем же я не прав?
Скажи мне, в чем же я ошибся?
И где с пути досадно сбился,
Таким дерьмом невольно став?
Я был и гладок, и слащав,
Кропил святой водой кропилом,
И всех, любовьню объяв
Любил как мог, что было силы.
Но Бога строгий полиграф
Отмёл никчемные потуги...
И дал внушить моей супруге,
Что я не тот, что я не прав!

Теперь у мрачных переправ
В Аид паром я ожидая
Всем расскажу, что мне до рая
Не дал добраться волкодав,
Пёс моей желчи бесконечной...
Надеюсь, мука будет вечной,
Надеюсь, всем я досадил
Тем, что отчаянно любил,
До самого души надрыва...
Что ж смейтесь, нелюди, игриво,
Свой смех трухлявый не уняв,
Я сам давно стал столь трухляв,
что неразрывно с бесом слился...
Мой Бог, зачем в Тебя влюбился?
Зачем тебе поверил я?
Теперь на крае бытия
Скажи мне, где моя семья?
Скажи мне, где моя надежда?
И почему не будет прежней
Уж никогда судьба моя?

Я еретик и лжеучитель?
Скажи мой Царственный Мучитель,
Чему не так людей учил?
Кого неправильно любил?
Скажи же
Без насмешек жижи,
Чем заслужил
я стать бесстыжим,
холодным призраком своим?
Уже ль никем не был любим?
Уже ль ни чьих молитв прошение
не помогло твое решение
Хоть на пол йоты изменить?
Скажи мне, как Тебя любить,
После всего, что Ты наделал?
Ты спросишь, как таким я смелым
Вдруг про меж всех нахально стал?
Боюсь, что Ты меня проспал...
Боюсь, что мук моих накал
Прожег в душе моей каверну,
Я был тебе предельно верным...
Зачем же Ты меня предал?
Убей меня, роди обратно,
Мне жизнь такая столь отвратна,
Столь неизбывна моя скорбь,
Что лучше Ты меня угроби,

Пусть вопреки благому смыслу...
Мне больно, тошно, горько, кисло...
Услышь меня из горних сред,
Ведь говорят, ты милосерд...
Хоть, впрочем, врут,
в том нет сомненья.
Здесь милосердия нет и тени.
Одно лишь вечное Ничто
В ответ: «Оставил мя пошто?»

Когда мальчика хоронит мать,
Тебя мне трудно оправдать,
Уж лучше душу мне отдать
Тебе обратно, чем такое
Бескрайне испытать в неволе
В тугой удавке бытия,
Где был Тобой оставлен я.
Мне вязко стыдно в этом мире,
За всё, как в пахнущем сортире,
Как в хладе тягостных могил,
Средь тел, что Ты, Творец, убил.
Я не хотел идти на крайность,
Пытался мудро промолчать,
Но не могу я не кричать,
Что этот мир такая гадость!
Что нет предела, нет конца,
Задумке мега-подлеца,
Что наделил существ несчастных
Проклятьем вечно дурно пахнуть,

И в этом смраде уповать,
Что будут жить они опять
В каком-то лучшем горнем мире,
Я еретик, уже не в силе,
Надежду эту поддержать.
Поверь, нам некуда бежать
От муки совести поникшей,
Я думал, что уже привыкший,
Но нет, привыкнуть не могу,
День ото дня живя в бреду,
В низайшей падали обличье,
Хоть моё сердце стало бычье,
Но всё дрожит в клети груди,
Поняв, что будет впереди...
Я лжеучитель распроклятый,
И путь мой скользкий и покатый...
Тут не помогут адвокаты.
Судится бестолку с Тобой.
И покаяния пока ты
Ждешь от меня
Как ждут пираты
Наивно выкупа уплаты,
Ты потерпи меня, постой...
Прости мне все мои развраты,
И мудрования трактаты,
Подделанные аттестаты,
С тобою вечный бой...
Закончим гиблые дебаты.
Видать настолько я горбатый,

Исправит, что могила, вряд ли
Хоть ей и не впервой.

О, мои кровожадные братья,
 Я ваш страстный застенчивый брат...
 Всё что можно, от вас стану брать я,
 Пока вместе не свалимся в ад.
 Как тесны ледяные объятия,
 Как стремителен лет циферблат,
 Мы не ищем себе оправдания,
 И любому концу каждый рад.
 Не терзает сомнений нас град,
 Не глодает раскаянья пиранья,
 Кровожадность всегда нарасхват,
 Нарасхват всегда чьи-то страдания!
 Но для нас даже ад маловат,
 И скудна круговерть разнотравья!
 Я ваш страстный застенчивый брат!
 Хоть от крови теряю сознание...
 Знаю я, что во всем виноват.
 Хоть плевать всем на эти признания,
 И кричат вам кровавый "Виват!"
 Перепуганные расстоянья!
 Утерев кровь кровавых утрат
 Просыпается утра каналья,
 Нашу суть нам едва ль облегчат
 Деловитые вехи познания...
 Мы звериные твари земли,
 Как и прежде кроваво-звериные,
 Сквозь века на себе пронесли
 След плетей наши гордые спины,

Сквозь века в наших душах цвели
Преисподней глухие глубины,
И послушно в основы легли
Наших вер людоедства доктрины.
И в устах наших приторный мат
Принимает молитв очертанье,
А над душами тесно кружат
Стаи воронов для растерзанья.
Всё усилилось вновь во сто крат
По контрасту с концом мирозданья,
И стократно убитый Сократ
Признаётся в тотальном незнание.
Этой ночью ко всем постучат
Недобитые воспоминанья,
Ядовитых цветов аромат
Переполнит ночное дыхание...
В самой сути скрывается ад
Наших душ, и тоска обезьянья.
Я ваш страстный застенчивый брат...
Не заслуживаю подражанья!

Я обольститель детских душ,
 Наивных, как душа монашки...
 На них я лью холодный душ,
 В уста их яд лью вместо каши.
 Но я, как видно, неуклюж,
 Не верят мне мои милашки,
 И средь разлитых душем луж
 Пытаются растить ромашки.
 Но наступает жар и сушь,
 Идохнут божии букашки,
 Несу я мрак, несу я чушь,
 И плачут милые мордашки...
 В ушах моих звенит: «Разрушь!»
 И по спине снуют мурашки,
 «Наивность детскую нарушь!», -
 твердят стихи на промашке...
 Плохой отец, плохой и муж,
 В семью бросаю я какашки!
 Пойди меня обезоружь!
 Пойди прости мои замашки!
 Во мне попробуй обнаружь
 На дне души немытой чашки,
 Увивший душу мою плюш,
 Тот, за что Бог даёт поблажки...
 Устал средь жизни знойных стуж
 Стоять я вечно нараспашку,
 Стремлюсь я в тень, стремлюсь я в глушь,
 Зевать в глуши, играя в шашки...

Под залпы громовых катюш
Ложиться спать в простой рубашке,
И растворять кручины тушь
Напевом запоздалой пташки.
Устал искать я вечный куш,
Устал копить монет кругляшки,
Копить средь душ, копить средь туш,
Копить как копят старикашки.
Посредством совести беруш,
Набивши мелочью кармашки,
Глотать как одинокий уж
Монеток милые близняшки.
Пускай резвятся в брюхах груш,
Внутри копилки-неваляшки,
Икринки в чревах у горбуш
Играть так любят в догоняшки...
А ну-ка совесть мне натужь,
Хоть груду всей пятиэтажки
На совесть ты мою обрушь,
На щедрость я не дам отмашки.
Хоть добротой меня завьюжь,
Я все равно, как первоклашки,
Утюжь их или не утюжь,
Уйду из школы без домашки,
Уйду уж жизнь испивши всю ж,
Играть на улице в пятнашки...
А ты пойд-ка обнаружь
В комоде бабушки вкусняшки...

Как был – остался неуклюж.
Починит бабушка подтяжки,
Отправит умываться в душ...
Душе ль отмыться замарашке?

Предательство. Излюбленный исход!
 Как часто ты красуешься пред нами,
 Простое, как обманутый народ,
 И гордое, как брошенное знамя.
 Предательство. Как весело звучит!
 И хочется, не шевеля губами,
 Бросаться на копье, откинув щит,
 И на щите быть принесённым к маме.
 Предательство. Ты светоч и маяк,
 Движение, доказанное прозой.
 Нам без тебя прожить нельзя никак.
 Отбросим стыд, прикрывшись мудрой позой!
 Предательство. Как узок твой изгиб,
 Как неподкупна ненависть измены!
 И в тот момент, когда почти погиб,
 Вдруг начинаешь верить в перемены.
 Предательство. Как лицемерны те,
 Кто не слагал в экстазе дифирамбы!
 Я б волю дал твоей простой мечте –
 Прорвать на свете все речные дамбы.
 Предательство. Ты как ночной потоп:
 Внезапно и бесстыже, прямо в утро!
 Увы, напрасно старый хитрый поп
 Скрывал от нас, что быть Иудой – круто!
 Предательство. Глоток вина – там яд.
 Предательство. Нож в спину. «Пли!» в затылок.
 О, как тебе я буду даже рад,

Когда войдёшь без стука утром сивым!
Предательство. И я тебя предам!
И возведу порок в дурную степень.
Я – мёртв, смержу, я – сцена не для дам.
Я – жук. Я – червь. Я – неотступный слепень.
Предательство. Смириться и забыть,
И, бог с ним, не заметить поруганья –
Да! – как икон потресканная зыбь
Не замечает лживость покаянья.

К тебе домой пришла война,

Её ты видишь из окна,

Стучится в двери сатана

И остаётся допоздна!

И наплевать, чья в том вина,

Когда грозит нам всем хана,

Видать на голову больна

Твоя страна, моя страна!

Когда они сошли с ума?

И кто из них двоих права?

Какая разница, едва,

война им будет прощена.

И накалилась докрасна

Едва пришедшая весна,

И ночи страшные без сна

Она с собою принесла.

Ко мне домой пришла война

И непомерна ей цена,

И к нам былые времена

Уж не вернутся никогда.

И цель войны сей неясна,
Зачем меж душами стена?
Откуда поднялась со дна
Такая ненависти тьма?

И совесть словно казнена,
История упразднена!
Как будто гуннов племена
Опять вторгаются сюда!

Ко всем домой пришла война,
Большая общая беда,
Напиться чтобы допьяна
Солдатской крови пацана!

Слезами матерей она
Всласть упивается, жадна!
И к каждому обращена
зловещей смерти тишина!

Нас ложь насытила сполна,
Как флагов злая кутерьма,
И мы стоим к спине спина,
И грудь в отчаянии тесна!

Кому какая суждена
судьбы звенящая струна,
Беда у всех у нас одна,
Коль в каждый дом пришла война!

МОЁ ПАСХАЛЬНОЕ

Рай,
где-нибудь,
царит
наверняка,
Хотя б
для равновесия
тупого,
На нас
взирает
Небо
свысока,
Как в паузе
знаменья
грозового.
Мне не хватает
в этот рай
рывка,
прыжка,
броска,
подняться б
хоть немного,
но от горшка
как был я
три вершка,
Так и остался
в мареве бывшего.
И от того стезя моя жалка,

Всё в поиске решения простого...
И на меня глядят издалика
глаза Творца
от мудрости седого.
Меня смущает этот взгляд слегка,
Как неотступный окрик часового,
И я пытаюсь прочь исподтишка
Укрыться от вниманья неземного.

А жизнь моя -
понюшка табака,
как облачко
намерения
благого,
всю жизнь
я валяю
дурака,
как будто
жду я
бытия
другого.
Но жажда рая
всё же
велика,
Не вижу в жажде
этой я дурного,
Кто б ни хотел
подняться в облака,
в пучине

часа смерти
рокового?
Увы, надежда
столь невелика,
Как прочность шара
газом надувного...
Обетования
тонка строка,
Вкусить цвет счастья
неба голубого.

Я молю:
- Рай подай!
Мне без рая край!
Я стону,
Я тону,
Боже, выручай!

Не от мира сего
Как и Ты, чую я,
Ты мне друг, Ты мне Бог,
Ты мне рай, Ты семья.
Поскорей разреши
Ты меня от греха,
Вся планета сия
Очень, Боже, плоха...
Я на ней как блоха,
Прыг да скок,
Ха-ха-ха,

Мне б к тебе в облака,
Да на сердце труха.
Я до нитки продрог
На ветрах бытия,
Ты б мне Боже, помог,
Больно жизнь лиха!
Средь избытка дорог
Всё одна шелуха,
Умоляю, мой, Бог,
Ты не мучай меня.
Мне бы веры глоток,
Мне бы счастья жменя...
Мне б любви пяточок,
Посох мне б пастуха...
Я как чахлый росток
Чуть пророс... Где река?
Где злаченный восток
В пол штриха, в пол стиха!
Где искомый восторг
Твоего бытия?